Чувашские сказки

Лиса-плясунья

Один старик принес из леса живую лису и говорит старухе :
– Брось-ка в печь мою старую шапку, я тут кое-что на новую принес. Вот, посмотри, – и вытащил из мешка лисицу.
Старуха как раз топила печку и, увидев лисицу, взяла старую шапку мужа и бросила в огонь. А старик тем временем говорит лисе:
– Прежде чем я пущу тебя на шапку, спляши, лисичка-сестричка, повесели нас со старухой, – и принялся точить нож.
Бедная лисичка глядит на нож, на старика со старухой и сидит ни жива ни мертва. Взглянула в окно, увидела дорогу в поле, а за полем – лес, только как убежишь в тот лес?
А старик уже и нож наточил.
– Пляши, лисичка, не то зарежу.
– Я бы сплясала, – ответила лиса, – но у меня нет хорошего платья. А без платья – что это за пляска?
Старуха достала из сундука свое девичье платье, нарядила в него лисичку. А та посматривает на свой наряд, любуется, а плясать не торопится.
– Что же не пляшешь-то, сестрица? – спрашивает старик.
– Я бы сплясала, – отвечает лиса, – да у меня нет хушпу (Хушпу – праздничный головной убор женщины, украшенный серебряными монетами и бусами) на голове.
Старик со старухой надели на голову лисы хушпу. А она и теперь на украшения смотрит, однако же и плясать не пляшет. Тогда старик со старухой в один голос:
– Хватит любоваться-то, лисица, пляши, почему не пляшешь?
– А у меня – разве не видите? – на шее мониста нет, – отвечает лиса.
Повесила ей на шею старуха и свое монисто, – не пляшет лиса:
– Надо бы еще и браслеты.
И когда только дали ей и браслеты – повеселела, вышла на середину избы, на задние лапы встала. Старик достал гусли, заиграл, лисица в пляс пустилась. Сначала тихо, медленно прошла по кругу, а потом все быстрей и быстрей. Только нарядное платье мелькает, да хушпу с монистом позванивают. Старуха и про печку забыла, глядит на лисью пляску, в ладоши хлопает.
– А ну, ходи веселей, лисичка-сестричка! – подбадривает плясунью и старик, и чуть ли не сам готов вместе с ней в пляс пуститься.
Что только не выделывала, какие веселые колена лисица ни выкидывала. Глядят на пляску старик со старухой не наглядятся.
Жарко стало плясунье, она и говорит:
Чтобы дверь была открыта, и окно чтоб не закрыто.
Старуха тут же кинулась открывать дверь, а старик открыл окно: жалко что ли: лишь бы лисичка-сестричка веселей плясала!
А лисичка еще немного попрыгала, поплясала, да – юрк! – в открытую дверь. Только ее старик со старухой и видели.
И остался старик без шапки: старая в печке сгорела, а новая в лес ушла.